

С. И. Посохов

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

К ВОПРОСУ О РОЛИ, СТЕПЕНИ И КАНАЛАХ
НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ*

Статья посвящена изучению процесса становления «университетского города» в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Благодаря университетам происходило расширение пространства диалога субкультур и круга субъектов такого диалога в городе, «университетские города» предлагали весьма динамичные культурные образцы, которые имели большое значение для развития городской жизни. Отмечается, что свой вклад в этот процесс внесли немецкие профессора, которые были носителями не только университетской культуры, но и городской культуры модернизированного типа.

Ключевые слова: *университетский город, трансфер и адаптация, диалог субкультур, модернизационные процессы.*

«...университетские города сильно отличаются в культурном и общественном смысле от не университетских»¹.

Довольно известная и не встречающая возражений цитата из работы Д. И. Багаля и Д. П. Миллера на самом деле скорее является красивым тезисом, нежели аргументированным выводом. И связано это с тем, что не только российский «университетский город», но также город вообще и урбанизация как феномены культуры стали изучаться сравнительно недавно, и многое в этом отношении, по мнению специалистов, остается открытым, теоретически неустоявшимся².

Не только в советской, но и в постсоветской историографии основное внимание исследователей при изучении истории российских городов сосредоточено на экономических аспектах. Конечно, результа-

* Статья подготовлена в рамках международного научного проекта «Ubi universitas – ibi Europa. Трансфер и адаптация университетской идеи в России в XVIII – XIX вв.», поддержанного Германским историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель.

¹ Багаля, Миллер. 1993. Т. 2. С. 588.

² Кондаков. 1993. С. 188.

ты этих усилий также важны, и в данном случае в частности. Так, исследователи констатировали, что до конца XVIII в. в России преобладал аграрный город, что отделение города от деревни в главных чертах завершилось к середине XIX в., что изменения в XIX в. были не только радикальными, но и быстрыми, и это привело к утверждению функций более высокого порядка³. Однако, такой «социально-экономический» подход является однобоким. В одной из фундаментальных работ по истории российского города середины XVIII – середины XIX вв. автор пишет: «Приведенные данные со всей очевидностью указывают на *градосозидающие* (курсив мой. – С. П.) потенции промышленности, ремесла и торговли»⁴. И далее: «...поступательное развитие города было возможно только при условии возникновения и совершенствования промышленной и торговой функций»⁵. Очевидно, что в данном случае город видится как результат прежде всего социально-экономического развития, как социально-экономический феномен. При этом традиционно в литературе подчеркивается, что города по природе своей были предрасположены к модернизации. Кто-то склонен это связывать с тем, что уже возрастная структура населения города отличается преобладанием младших возрастных групп: «...с присущими для молодежи проблемами, порывами и устремлениями к современным ценностям»⁶. Соответственно, развитие образования, науки, проблемы воспитания также выглядят скорее производными этой демографической ситуации.

Но поставив проблему городских функций, мы сразу будем вынуждены выйти за рамки социально-экономической истории и вести речь о «городской культуре». Вспомним вывод Фернана Броделя: «Город существует как город лишь в противопоставлении образу жизни (курсив мой. – С. П.), более низкому, чем его. Это правило не знает исключений...»⁷. Стремление исследовать городскую культуру не по отдельным отраслям, а как целостное явление, заставляет современных исследователей сосредоточить главное внимание на тех ее институтах, которые обладали тенденцией к интеграции общественного быта: школы, библиотеки, театральнo-концертная жизнь⁸. Безусловно, важное место в этом процессе занимали университеты. Однако изучение исто-

³ Миронов. 1990. С. 201, 207, 208.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ Чорний. 2007. С. 84.

⁷ Бродель. 2007. С. 449.

⁸ См.: Куприянов. 1995.

рии отношений университета и города в России лишь началось. Новый этап в изучении проблемы открыли двухтомник «Университет для России» под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой (М., 1997, 2001); книги Е. А. Вишленковой, С. А. Малышевой, А. А. Сальниковой «Terza Universitatis: два века университетской культуры в Казани» (Казань, 2005) и «Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв.» (Казань, 2008); работа И. П. Кулаковой «Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в.» (М., 2006) и др.

В статье «Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов» из сборника «Университет и город в России (начало XX века)» (М., 2009) Труде Маурер отмечает: «Традиционная российская перспектива изолирует членов университета от их окружения, с которым они были тесно связаны... Отсутствие до настоящего времени исследований об отношении университета и города удивляет тем более, что служащие и студенты российских университетов были гораздо более тесно связаны с одним и тем же городом, чем их немецкие коллеги... Историки сходятся в том, что университет (во всяком случае, европейский) для своего выживания нуждался в городе и мог существовать только в нем... Университет – это городское изобретение»⁹. Более того, в этом же сборнике, Д. А. Цыганков поставил вопрос об университете как факте и факторе новой урбанистической реальности¹⁰, а И. Гилязов о противоречии университета и города (последний, по его мнению, был более консервативен)¹¹.

Очевидно, что тема «университетского города» остается весьма актуальной. Более того, сегодня не так просто ответить даже на такой, казалось бы, элементарный вопрос: а что же такое этот «университетский город»? Непростым является и вопрос о времени возникновения «университетского города» в России. Достаточно ли сказать, что это город, в котором есть университет? И значит ли это, что как только университет возник в городе, то последний стал сразу «университетским»? Мы знаем, когда возникли университеты в городах Российской империи, но не можем сказать определенно, когда же возникли собственно «университетские города». Конечно, уже само по себе появление университета с его профессорами и студентами, библиотекой, музеями, ботаническим садом, типографией и изданиями, университетскими ак-

⁹ Маурер. 2009. С. 6, 8.

¹⁰ Цыганков. 2009. С. 372.

¹¹ Гилязов. 2009. С. 564.

тами и празднованиями вносило новую струю в жизнь города. Некоторые авторы и начинают историю университетского города с момента создания университета: «Можно назвать немало примеров, когда самое основание университета коренным образом изменяло характер всякого города. Так, открытие в Казани в 1804 г. университета сумело объединить воедино все существовавшие ранее культурные силы и создать в городе особую духовную атмосферу»¹². Однако, во-первых, все это возникло не в одночасье. Во-вторых, не стоит преувеличивать масштабы происходящего (достаточно вспомнить, что по ревизии Магницкого в 1819 г., результаты работы Казанского университета с 1804 г. были признаны более чем скромными: им было подготовлено в среднем 3 выпускника в год¹³; конечно, это был худший результат по сравнению с другими российскими университетами, но все же...). В-третьих, о прочной связи университета и местного общества долгое время говорить также не приходится: они существовали как разные миры (достаточно напомнить общеизвестные истории о том, что в конце XVIII в. по Москве распространился слух, что на Моховой «немцы режут живьем православных», а студентов на улицах принимали за пленных шведов¹⁴).

Понятно, что потребовалось немало времени, чтобы университет «врос» в город, а город ощутил свою неразрывную связь с университетом. Когда же это произошло? И что все-таки понимают исследователи под «университетским городом»?

Среди тех признаков, которые определяют качественно новые моменты в жизни города под влиянием университета, называют следующие: формирование вокруг университета множества культурных очагов (типография, газета, журналы, библиотека, театр, научные и литературные общества и кружки); создание благодаря университету нового ритма жизни города, «придание ему новых красок»; формирование университетом пространства культурных событий, генерирование новой русской культуры¹⁵. Как пишет И. П. Кулакова: «...в старой Москве, городе традиционном по своей сути, университет способствовал возникновению и распространению очагов “новой культуры”, которая в XIX в. стала господствующей»¹⁶. В литературе можно встретить и такой

¹² Камышанченко, Бердник. 2001. С. 21.

¹³ Вишленкова. 2003. С. 101. Здесь же есть примечание, что по ревизии Желтухина 1826 г. с 1805 по 1819 гг. университет выпустил не 43, а 118 чел.

¹⁴ Лукаш. 1992. С. 42.

¹⁵ Камышанченко, Бердник. 2001. С. 21–23, 25.

¹⁶ Кулакова. 2006. С. 6.

общий вывод: «Университетский город качественно отличался от других городов Российской империи: он был на голову выше в образовательном, научном и культурном плане»¹⁷.

Собственно, уже названные признаки, для того чтобы проявиться, требуют времени. Последнее становится еще более очевидным, если мы обратим внимание на следующее высказывание: «Учебными корпусами, квартирами преподавателей, студентов, служащих, библиотеками, ботаническим садом, загородной обсерваторией, а также многочисленными трактирами, лавками, торгующими нужными университетским людям вещами, книжными магазинами, обслуживающими их интеллектуальные нужды, университет вращался в тело города, изменяя его «анатомию», топонимику, становясь центральным элементом идентичности (курсив мой. – С. П.). Казани как города университетского»¹⁸. Конечно, становление «новой культуры» или «новой идентичности» уже по определению процесс довольно длительный. Тем более, если иметь в виду вторую половину XVIII – первую половину XIX вв. Изменение ценностных ориентиров и формирование новых культурных традиций требовали смены одного, а то и двух поколений. В частности, о двух поколениях идет речь в сборнике «Университет для России»: «Для большинства населения [XVIII в.] по-прежнему образ студента, профессора и вообще ученого человека оставался чуждым, враждебным, вызывавшим страх и насмешку. Понадобилось время и труд двух поколений людей университета...»¹⁹. Имеется в виду, что с этого времени в пользу университетского образования заработал семейный фактор: у горожан, уже знакомых с университетом, дети достигли соответствующего возраста, и у них не было предубеждения против университета.

Однако, некоторые исследователи, например, Д. А. Цыганков, даже применительно к Москве, завершение такого процесса отодвигают к середине XIX в.: «Долгое время непонятен был для москвичей, ни образ профессора, ни образ студента университета. Изменение отношения москвичей к университету можно связать с активной общественной позицией профессоров и увеличением общего числа студентов университета во второй половине XIX в.»²⁰. Впрочем, последующие замечания автора («Университет в 1840–50-х годах стал всемосковским салоном...»; «Человеком, вписавшим университет в московскую жизнь, стал

¹⁷ Камышанченко, Бердник. 2001. С. 38.

¹⁸ Вишленкова, Мальшева, Сальникова. 2008. С. 76.

¹⁹ Университет для России. 1997. С. 18.

²⁰ Цыганков. 2009. С. 377.

Т. Н. Грановский»²¹) позволяют несколько приблизить хронологическую границу к 1840-м гг. На 1830–40-е гг., по сути, указывают и другие исследователи. Например, применительно к Казани, отмечают, что в первой половине 1840-х гг. профессора стали составной частью дворянского общества, их стали приглашать на губернаторские обеды²². Вообще есть немало доказательств того, что в 1830–40-е гг. обучение в университете стало делом престижным. Впрочем, еще П. Н. Милюков отметил, что в 1830-е гг. «...впервые выросло целое поколение молодежи, которое обратилось за удовлетворением своих идеальных стремлений к университетской науке. Ввиду этого нового факта – переполнения аудиторий – и отношение правительства к студентам изменилось»²³.

Таким образом, следует принять вывод о том, что «университетский город» так таковой появился лишь через некоторое время после основания в городе университета. Возникает вопрос: насколько уместно вообще в таком случае вести речь об «университетском городе», скажем, применительно ко второй половине XVIII – первой половине XIX вв.? На наш взгляд, период от создания университета и до его «врастания» в городской организм следует считать периодом становления университетского города. Уже в это время проявились многие признаки будущего «университетского города», были заложены те основы, на которых он будет развиваться в дальнейшем. Сложный период взаимодействия города и университета завершился возникновением некоего нового культурного феномена. И этот процесс зависел не только от состояния университета. Многое зависело от готовности (или неготовности) местного общества к восприятию университета. Соответственно, необходимо обращать внимание на состояние городов и уровень городской культуры. Без развитой городской жизни стабильное существование университетов весьма затруднительно. В средневековой Германии два из трех университетов возникли по инициативе городов; мы не знаем примера организации университета в сельской местности, основная масса студенчества вербовалась из городского населения²⁴. В России же университеты возникли не столько из потребностей городской жизни, сколько были привнесены в городскую жизнь сверху, волей правительства. Городская среда, подчиненная задачам, в том числе и обслуживающая интеллектуальной деятельности, разовьется в российском городе

²¹ Там же.

²² Костина. 2009. С. 135.

²³ Милюков. 1994. С. 301.

²⁴ Струков. 1984. С. 50.

намного позднее²⁵. Быстрый рост городов в России в XIX в. происходил за счет перемещения в города крестьян. Массовый прилив крестьян понижал общий культурный уровень городов²⁶. Это создавало дополнительные трудности для «врастания» университета в город. И по своему правы те, кто отмечает, что «открытие университетов в провинции в первые годы XIX в. как факт российской культуры не следует преувеличивать. Для них не хватало сил и средств. Это скорее провозвестники будущего развития высшего образования (и всякого культурного развития) в провинции, чем настоящие учебные заведения университетского типа»²⁷. Обратим внимание на слово «провинция». Действительно, если в российских столицах освоение новых традиций облегчалось европейскими «анклавами» культуры, то в провинции восприятие университета осложнялось дополнительными препятствиями²⁸. Как писал историк Казанского университета Н. Н. Булич, европейское влияние приходило в Россию «контрабандой», «клочками, обрывками»²⁹.

Но в данном случае важно подчеркнуть, что: 1) процесс становления города как «университетского» следует считать, прежде всего, культурным процессом, не сводимым только к факту возникновения университета и сопутствующих ему структур в городском пространстве и «экономическому импульсу»; 2) инновационный характер связи университета и города стоит выделить отдельно, но и в данном случае мы более склонны говорить о культурных инновациях, которые подготовили перемены экономического и социального характера.

Последнее заставляет нас четче определить специфику «университетского города» на новом этапе развития университета как такового. Как известно, на сегодняшний день утвердилась следующая периодизация истории университетов: средневековый (доклассический) – модернизированный (классический) – массовый (постклассический). Если для первого (доклассического) характерен небольшой «университетский город», жизнь которого в значительной мере зависела от университета, определялась им, то на следующем этапе (конец XVIII – первая половина XX вв.) университеты все чаще возникают в крупных городах и их влияние на городскую жизнь не так просто выявить, оно становится все более опосредованным. В условиях Российской империи такое влияние

²⁵ Кулакова. 2006. С. 196.

²⁶ Миронов. С. 180.

²⁷ Очерки русской культуры XIX в. 1998. Т. 1. С. 133.

²⁸ Михайлова, Коршунова. С. 9.

²⁹ Булич. 1904б. С. 56–57.

еще сложнее проследить, так как радикальное изменение места и роли города в российском обществе в XIX в. являло собой комплексный модернизационный процесс, а процессы «догоняющей» модернизации, сопровождавшиеся заимствованиями европейского опыта, далеко не всегда имели своим посредником университеты. К тому же университетов было очевидно мало для такой гигантской империи. Все это может вызвать сомнения относительно роли университетов в модернизационных процессах. Собственно, такое сомнение и породило ту ситуацию в историографии, о которой шла речь выше. Однако, по нашему мнению, университеты оказывали значительное влияние на модернизацию страны. При этом не важно, идет ли речь о конкретных инновациях, исходивших от университетов, или о влиянии дискуссий по «университетскому вопросу» на понимание характера и направленности всего процесса реформ³⁰.

Долгое время в историографии сюжеты о влиянии российских императорских университетов на местное общество были эпизодичны. Но и в этом случае внимание исследователей было сосредоточено на тех открытиях университетских ученых или их рекомендациях, которые существенно повлияли на развитие промышленности и сельского хозяйства, городское благоустройство, развитие транспорта, связи и т.д. Не удивительно, что речь шла об отдельных университетах и их влиянии на развитие ближайшего региона. Однако на такое воздействие университета следует смотреть шире, в рамках разнообразных культурных процессов. В частности, проблему становления университетского города целесообразно рассматривать в контексте сложного процесса европеизации России, и в этом плане ставить вопрос о роли культурного меньшинства в лице «университетских людей», которые собственно и воплощали «университет». Интересный материал для этого дает уже вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. В частности, изучение роли, степени и каналов немецкого культурного влияния, поскольку становление в России такого европейского института как университет происходило преимущественно при посредничестве немецких профессоров, которые абсолютно доминировали среди приглашенных иностранных преподавателей.

В своей монографии А. Ю. Андреев всесторонне проанализировал количественные данные о таких профессорах по Московскому, Харьковскому и Казанскому университетам (и далее мы тоже будем анализировать материалы по этим трем университетам). Нельзя сказать, что эти цифры выглядят впечатляюще для нашего современника. За всю вторую

³⁰ См.: Посохов. 2006.

половину XVIII в. в Московском университете преподавало всего лишь 18 немцев. В период с 1803 по 1811 г. 46 немецких ученых заняли вакантные места в указанных университетах. Вообще же за первую четверть XIX в. свыше 50 уроженцев немецких земель занимали должности профессоров и адъюнктов в Московском, Харьковском, Казанском и Петербургском университетах (не считая Виленского и Дерптского, практически полностью составленного из немецких ученых). Максимальное единовременное количество немецких профессоров – 41 чел. по сумме трех (Московского, Харьковского, Казанского) университетов было достигнуто перед началом Отечественной войны 1812 г. В последующем немцы со все возрастающим темпом стали покидать российские университеты³¹. Таким образом, и время пребывания большинства профессоров в России было непродолжительным: средний срок службы немецких профессоров и в Казани, и в Харькове в первой четверти XIX в. находился в пределах от 8 до 9 лет³². К тому же, говоря о немецком культурном влиянии, наверное кто-то мог бы сказать о том, что немецкие профессора не были первыми немцами в России, что взаимодействие культур имеет давнюю историю. Все это так.

Однако приведем и иные аргументы. Прежде всего, солидаризуемся с Александром Дмитриевым, который отметил, что «Степень присутствия университетов (и других вузов) в социальном ландшафте городов и империи в целом не может быть исчислена только статистически: количественно незначительный контингент лиц с высшим образованием значил весьма много...»³³. К тому же, названные цифры немецких ученых не выглядят абсолютными, если вспомнить о том, что например профессор Роммель, хотя и подтрунивал над слабостями профессоров – выходцев из Франции и славянских земель, тем не менее, включал их на правах «фракций» в состав «немецкой партии»³⁴.

И еще в рамках такого рода размышлений. Известно, что многие из немецких профессоров через непродолжительное время покинули Россию. Как писал П. Н. Милоков, «Лучшие из иностранцев не выдержали этой борьбы»³⁵. Однако передача и усвоение культурных норм, образов,

³¹ Андреев. 2009. С. 427, 459, 461.

³² Там же. С. 451.

³³ Дмитриев. 2009. С. 137.

³⁴ Роммель. С. 120, 126. В Харьковском университете профессора-иностранцы в первое десятилетие существования университета составляли почти 60% его преподавателей.

³⁵ Милоков. 1994. С. 285-286.

смыслов и артефактов может происходить непосредственно «из рук в руки», являя собой реально или виртуально, но *прямой* контакт («Преемство» по Г. З. Каганову, когда преемник должен, так сказать, «застать в живых» тех, кто передает), а может происходить и непрямым путем, опосредованно, после определенной временной дистанции («наследование»), когда исключается непосредственный контакт. Наследование может состояться только после «смерти» того, кто передает наследство³⁶. Влияние немецкой культуры через университет происходило как непосредственно через немецких профессоров, так и непрямым путем. То есть и после того, как многие из них покинули Россию, процесс культурного влияния не прекратился, но происходил как «наследование». Так, воспитанник Харьковского университета Ничпаевский вспоминал: «Бывшие в то время [1820-е гг.] профессора-иностранцы не отличались такими действиями, как в былые времена их земляки, *о коих существовало в университете предание*»³⁷ (курсив мой. – С. П.). То есть наблюдается желание лучше понять, что же собой являли эти профессора, которых уже нет рядом. Как писал В. Г. Маслович в стихотворении (середины 1820-х гг.) о проф. И. Шаде: «И то России чести мало, что истинно тебя не знала»³⁸.

Да, возможно, преувеличивать степень этого культурного влияния не стоит, но и игнорировать – было бы большой ошибкой. По крайней мере, интерес к такому культурному влиянию вполне оправдан. Очевидно, что при рассмотрении динамики городской культуры важно понимать, что представители различных социокультурных групп горожан являются производителями и распространителями различных по качеству и степени обобщенности элементов культуры³⁹. Безусловно, немецкие профессора были носителями именно модернизированной европейской городской культуры (об этом свидетельствуют специализированные занятия, формы досуга, особенности мировоззрения и поведения).

В свое время Ю. М. Лотман отметил, что именно «реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации»⁴⁰. Очевидно, что наличие университета и относительно небольшой, но активной группы интеллектуалов-иностранцев,

³⁶ Каганов. 2000. С. 49.

³⁷ Ничпаевский. 2008. С. 67.

³⁸ Срофийв. 1927. С. 73.

³⁹ Орлова. 1987. С. 15.

⁴⁰ Лотман. 1984. С. 35.

существенно влияло на этот процесс. Если ранее ассимиляция западных ценностей происходила на уровне дворянской субкультуры, то университет способствовал перемещению ее на другой уровень – мещанско-предпринимательской субкультуры городов, а это уже был, по мнению Н. А. Хренова, уровень цивилизационных процессов⁴¹. При этом влияние немецкой городской культуры через университеты, на наш взгляд, следует изучать, опираясь на теорию диалога субкультур. Соответственно, мы и предлагаем посмотреть на университет как место и фактор диалога субкультур.

Одним из важных признаков города является его социокультурное разнообразие и готовность горожанина к диалогу субкультур. Диалог – это обнаружение и понимание ценности других культур, способ присвоения последних. Диалог субкультур имеет свою особую структуру, где его обязательными составными выступают: пространство и субъекты диалога, предмет обсуждения (характер диалога), каналы диалога и др.

Безусловно, появление иностранных профессоров в городе, тем более провинциальном, добавило красок в его социокультурную палитру. Как писали историки Харькова Д. И. Багалей и Д. П. Миллер, «учащаяся молодежь и отчасти харьковское общество, не выезжая из Харькова за-границу, получили возможность познакомиться в лице своих деятелей с носителями западно-европейской культуры»⁴². Но создание университета не просто сделало субкультурный спектр города более широким. Оно изменило сам характер диалога. Для традиционного диалога характерна неотрефлексированность последнего его участниками. Модернизационные процессы в городе (особенно те, которые происходят под воздействием просвещения) формируют пространство осознанного диалога, а такой диалог требует подготовленного субъекта⁴³.

Немецкие ученые, которые приезжали в Россию, были довольно молодыми людьми. Уже эта характеристика определяла их активность, но не только. Сам факт переезда в другую страну свидетельствовал о том, что эти люди были активнее других своих соотечественников. Более того, некоторые из них *осознанно* ставили перед собой широкие гуманистические программы (достаточно вспомнить высказывания Ромеля или Буле). Да, возможно, некоторых из них следует назвать маргиналами не только в России, но и в своей стране. Однако, как известно, маргиналы легче прокладывают путь на границе культур.

⁴¹ Хренов. 1993. С. 181–182.

⁴² Багалей, Миллер. 1993. Т. 2. С. 579.

⁴³ См.: Сайко. 1999. С. 15 и др.

Вообще, некоторые ученые считают, что маргинальность является одной из характеристик именно городского социума, а проблема Чужака должна находиться в центре исследований городской жизни⁴⁴. К тому же, следует учесть, что собственно российские профессора в исследуемый период часто были выходцами из неблагородных сословий: духовенства, провинциалов-разночинцев, купечества и пр. Уже в силу этого, а также из-за их манер и привычек дворянское общество, как правило, не принимало их в свою среду. Соответственно и круг их общения (как отметил А. Ю. Андреев) не выходил за пределы университетов, все они образовывали дружескую компанию, возникшую еще в молодости и резко отделенную от остального общества⁴⁵. Такой вариант культурной замкнутости в литературе обозначается термином «геттоизация» (Ф. Бок)⁴⁶. Молодые немецкие ученые стали *активными участниками диалога* субкультур в городе. Конечно, это произошло не сразу. Первое время они также ведут себя довольно замкнуто, что объясняется, прежде всего, незнанием русского языка. Так, по воспоминаниям Христофора Роммеля, первым делом по прибытию в Харьков он вступил в знакомство «с несколькими семействами честных ремесленников-немцев»⁴⁷; кроме того, неженатые профессора составили клуб, в котором принимали участие исключительно немцы. Из дневника и переписки профессора Броннера ясно, что он также первоначально общался исключительно с представителями немецкой колонии в Казани. Такое общение «в своем кругу» будет продолжаться и в дальнейшем⁴⁸. Турнерелли, приехавший в Казань в 1837 г., в своей книге о Казани (впервые изданной в 1841 г.), записал: «Профессора в основном – немцы. Особое сообщество, которое редко смешивается с русскими»⁴⁹. И это понятно, так как для общения нужен не только «общий язык» в прямом смысле слова, но и в переносном. Как отмечает Е. А. Вишленкова, «собравшиеся в Казани интеллектуалы репрезентировали себя «людьми университета», то есть как единую социальную группу с европеизированной («западной») системой ценностей и поведенческими нормами»⁵⁰. Не

⁴⁴ Ярская-Смирнова, Романов. 2004. С. 212, 229.

⁴⁵ Андреев. 2000. С. 77; Кулакова. 2006. С. 210.

⁴⁶ Ф. Бок обосновывает пять различных способов преодоления культурного шока: геттоизация, ассимиляция, частичная ассимиляция, культурный обмен и культурная колонизация (Culture Shock / Ed. Ph. Bock. New York, 1970).

⁴⁷ Роммель. С. 127.

⁴⁸ Андреев. 2009. С. 454.

⁴⁹ Турнерелли. 2005. С. 277.

⁵⁰ Вишленкова. 2009. С. 86.

удивительно, что какое-то время некоторые прибывшие в незнакомое место немецкие ученые ощущали себя достаточно одиноко среди местного населения (так, тот же Броннер писал попечителю: «после Вашего отъезда живу словно в стране ирокезов»⁵¹).

Однако затем происходит расширение пространства диалога. Прежде всего, в этот круг общения попали студенты. Упомянутый выпускник Харьковского университета Л. Ничпаевский отмечал, что «иностранцы... сближались с русскими студентами, а с русскими профессорами не имели никакого общения»⁵². Есть упоминание о том, студенты Харьковского университета были в восторге от проф. Брандгейса и «сочувствовали ему во всех его идеях»⁵³. Хотя, конечно, были среди студентов и такие, кто с трудом понимал иностранных профессоров, а были и такие, кто высказывал свое отрицательное отношение (можно встретить упоминание в источниках о «ругани студентов против немцев»⁵⁴). Диалог культур и в этом варианте был не таким простым.

Но, несомненно, роль студентов и выпускников университетов в трансляции европейских ценностей, исповедуемых приезжими профессорами, была значительной. Очевидно, это влияние, прежде всего, ощущалось в городе, поскольку большая часть бывших студентов (даже недоучившихся) оставалась в городе и обслуживала его интересы. Позже известный историк В. О. Ключевский назовет студентов «всесловным резервом русского просвещения» и так охарактеризует их роль: тысячи студентов «вышли из университета и, расходясь по городам и усадьбам отечества, будили местные силы духовными интересами и знаниями, вынесенными из университета»⁵⁵. Этот процесс начался с первого университетского выпуска.

Постепенно наука и немецкие профессора «входят в моду», а богатые дворянские семьи спешат пригласить их в качестве учителей. Многие из них были вхожи в салоны московских литераторов, аристократы приглашали их как специалистов для описания своих библиотек (Гейм)⁵⁶. Некоторые из немецких профессоров довольно быстро освоили русский язык (как например, проф. Фукс). Благодаря медицинской практике, как писал Н. Булич, его знали в каждой семье. При этом, сам

⁵¹ *Нагуевский*. 1902. С. lxxviii.

⁵² *Ничпаевский*. 2008. С. 66.

⁵³ Там же. С. 73.

⁵⁴ *Нагуевский*. С. 38.

⁵⁵ *Ключевский*. 1989. С. 600.

⁵⁶ *Университет для России*. 2001. Т. 2. С. 310–311; *Андреев А. Ю.* 2000. С. 102.

профессор проявлял большой интерес к местной жизни⁵⁷. Нечто подобное известно и о харьковском профессоре Пильгере, который, по воспоминаниям Роммеля, «вызывал зависть всех учеников Эскулапа своим удачным, хотя и чрезмерным, лечением. Он постоянно общался с сельскими помещиками, которые давали ему продукты, и другими пациентами с околиц»⁵⁸. Значительно изменяется и расширяется круг общения профессоров-иностранцев после женитьбы на местных уроженках. Визиты к соседям и родичам с одной стороны позволили глубже изучить быт и нравы местных жителей, хотя далеко не всегда эти контакты приводили к взаимопониманию.

Конечно, нельзя не согласиться с мнением Труде Маурер о том, что «в губернских городах Российской империи связь с учеными поддерживало лишь небольшое *образованное* (курсив автора. – С. П.) общество, а отнюдь не все городское население»⁵⁹. Вместе с тем, следует иметь в виду то влияние, которое выходило за рамки непосредственного общения. Появляясь в публичных местах, университетские преподаватели неизменно становились объектом пристального внимания окружающих⁶⁰, в известном смысле, задавая тон. Горожане рассказывали о них друг другу. Так, один из современников записал: «Брат мой познакомил меня с сим профессором [Шадом], о великой учености которого я уже *прежде довольно слышался* (курсив мой. – С. П.)⁶¹».

Поведение немецких профессоров далеко не всегда «вписывалось» в традиции местного общества, в том числе, в строгие правила «сословных традиций». На сознание горожан влияло само расширение пространства диалога. Ведь не только горожане проявляли интерес к профессорам-иностранцам, но и наоборот. При этом немецкие профессора, неискушенные в сословных правилах, очевидно, не всегда осознанно расширяли пространство диалога.

В одной из обобщающих работ по истории культуры России XIX в. отмечается важная роль театра в развитии города, поскольку он собирал публику из различных слоев: «Нигде как под крышами столичных театров, не соприкасалась так близко с высшим светом империи обыкновенная городская публика». Однако далее замечается, что сама планировка зрительных залов театров предполагала определенную сег-

⁵⁷ Булич. 1904а. С. 98–99.

⁵⁸ Роммель. С. 124.

⁵⁹ Маурер. 2009. С. 35.

⁶⁰ Вишленкова, Мальшева, Сальникова А. А. 2005а. С. 869.

⁶¹ ЦГИАУ. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

регацию театральной публики⁶². Университет не только соединял различную «публику», он и разрушал сословные барьеры. Университет объединил пространственно людей, стоявших на разных социальных ступенях, университет выступил как начало, объединяющее сословия⁶³, но особенно важно то, что в университете разные сословия встретились как равные⁶⁴. Причем речь идет не только об учебном процессе, но и о торжественных актах, публичных лекциях. Так, исследователи отмечают, что университетские лекции «для всех сословий» в Казани в 1840-е уже перестали быть сенсацией⁶⁵. При этом, как отмечал Загоскин, университетские акты были довольно массовые: собиралось до 300, а то и 500 человек⁶⁶. Участие в университетских мероприятиях для простого городского жителя создавало иллюзию присутствия в высшем обществе, поднимало человека в своих глазах и в глазах равных и нижестоящих. Это были формы и факторы консолидации городского общества на новых культурных основаниях.

Конечно, чтобы это случилось, нужно было сломать сословные (и не только) предубеждения. Многие немецкие профессора осознанно или неосознанно включились в этот процесс. Упомянутый проф. Фукс, по свидетельству Н. Н. Булича, лечил татар и был ими любим, он же проявлял интерес к раскольникам и был «единственный ходатай за них»⁶⁷, неравные браки некоторых профессоров «сильно занимали местное общество»⁶⁸ и т.п. Впрочем, немецкие профессора в той или иной форме не только демонстрировали, но и декларировали свое понимание цивилизационных (европейских) ценностей. Проф. И. Шад в одной из своих речей на торжественном университетском акте, при многочисленной публике говорил следующее: «Европа есть та часть света, ...которая кажется Высочайшим Провидением для того предназначена, чтобы подобно солнцу разливала благодетельный свет на все прочие народы и части света, управляла ими и дружески руководствовала бы их к *возвышению из невежества к просвещению, из рабства к гражданству, из грубости к образованию, словом из жребия бессловесных животных к умственному и нравственному достоинству* (курсив мой. – С. П.)»⁶⁹.

⁶² Очерки русской культуры XIX в. 1998. Т. 1. С. 109.

⁶³ Университет для России. 1997. С. 164, 170.

⁶⁴ Кулакова. 2006. С. 202.

⁶⁵ Бурмистрова. 2002. С. 23.

⁶⁶ Загоскин. 2003. С. 75.

⁶⁷ Булич. 1904а. С. 100, 101.

⁶⁸ Цит. по: Булич. 1904а. С. 186, 228.

⁶⁹ Шад. 1814. С. 3–4.

К слову о достоинстве. В действительности, в ходе таких контактов происходило не столько утверждение, сколько столкновение представлений о «достоинстве». Например, разрушающими устоявшие представления о «государственном человеке», представителях элиты, стали торговые операции «ученых иностранцев». В Харьковском университете таковыми обычно называют Стойковича и Нельдехена. Но истории об «оборотистых немцах», приехавших ради обогащения, особенно привлекавшие внимание историков советского периода, свидетельствуют не столько о моральных качествах и целях приезда в Россию иностранных профессоров, сколько о варианте «диалога культур». Такой вариант поведения был непонятен не только власти предрержащим и обывателям, но и их коллегам – носителям местных культурных традиций. Один из современников начала XIX в., Р. М. Цебриков, писал о своей встрече с некоторыми «русскими» профессорами Харьковского университета за бокалом вина, купленного у Нельдехена: «Удивительно, сказали сии русские профессора, что все почти находящиеся при нашем университете иностранные профессора пустились во всякие промыслы и торговлю для скорейшего себя обогащения, не преминув при сем много еще кой чего, к сей материи относящегося, наказать на счет сих высокоученых торговцев...»⁷⁰.

В рамках сословного сознания в России занятие того или иного человека «не своим» делом выглядело недостойным. Западноевропейский город во многом уже преодолел такой подход. Как писал проф. Роммель, вспоминая о своей родине, «местная знать владела лучшими кабаками в городе»⁷¹. А торговля, в частности вином, издавна принадлежала к числу привилегий университетских профессоров. Ф. А. Петров считает, что формально были правы те, кто в самом факте торговой деятельности не видели уголовного преступления⁷². В известном смысле, они отстаивали право человека независимо от должности, заниматься не запрещенной законом деятельностью. Но в Российской империи, где род занятий представителей различных сословий существенно отличался, такая «всеядность» казалась предосудительной. Напомним, что в университетском уставе профессора назывались «высшим сословием». В российском обществе представитель «высшего сословия» не мог заниматься «низменной» деятельностью, иначе он нарушал кодекс чести. Возможно, именно этот и подобные конфликты со временем сформир-

⁷⁰ ЦГИАУК. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 45. Л. 64 об.

⁷¹ Роммель. 2001. С. 52.

⁷² Петров. 2002. Т. 2. С. 299.

руют устойчивое представление о профессоре, как о человеке, находящемся на государственной службе, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как отмечается в современной литературе, «по замыслу строителей, университеты должны были не только учить, но и воспитывать российских граждан, и именно этим российские профессора отличались от их западноевропейских коллег»⁷³.

Однако, в данном случае, важно заметить, что немецкие профессора приносили в местное общество новые представления о социальной мобильности, они уже своими действиями размывали старые сословные предубеждения. Известно, что немецкие профессора не считали зазорным тесное общение с купцами. И последние также потянулись к иностранным профессорам и к «учености» вообще. Уже цитировавшийся Р. М. Цебриков записал об одном из купцов, с которым он встретился: «[по словам моего брата, этот купец] может рассуждать о разных материях, кроме торговых, любит заниматься чтением полезных книг; у него довольно изрядная библиотека; он дружен с нашими университетскими учеными и часто с ними имеет беседы»⁷⁴. Наверное, говорить о том, что в университетских городах в это время возникло «интегрированное локальное общество» (Т. Маурер⁷⁵) было бы преждевременно. Да, мир профессоров был в значительной мере отделен от мира мелкой буржуазии (ремесленников и торговцев). Но такое сближение началось, и оно имело влияние на формирование новой городской культуры.

В одной из работ, посвященной образу жизни британской элиты в викторианскую эпоху, имеется вывод о том, что характерной чертой этого переходного времени было одновременное сосуществование в ней двух совершенно разных культурных систем – аристократической, уходящей корнями в средневековье и базирующейся на идеалах сельского сообщества, и новой городской, предпринимательской. Эти системы соприкасались и взаимодействовали, в конечном счете формируя общее культурное поле, получившее название викторианства. В викторианский период менялся облик носителей этих культур. Процессы «аристократизации» или «джентрификации» высшего среднего класса и «обуржуазивания» аристократии⁷⁶ оказывали непосредственное влияние на развитие городской культуры Нового времени. Этот вывод интересен и применительно к теме «университетский город в Российской империи».

⁷³ Петров. 2002. Т. 1. С. 11.

⁷⁴ ЦГИАУК. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 45. Л. 70 об.

⁷⁵ Маурер. С. 23.

⁷⁶ Крючкова. 2004. С. 124.

Таким образом, в рамках диалога культур происходила рецепция не только вещей, стилей, образов жизни, но и более широких цивилизационных констант. Конечно, эта рецепция была не такой простой. Все новшества должны найти место в реальном городском социокультурном «пространстве», то есть как-то «расположиться» среди уже существующих предметов и идей. В результате нередко рождался культурный синкретизм. Так, исследователи отмечают, что в России гораздо более чем в аналогичных торжествах в Европе, сохранялся сакральный элемент, характерный для традиционной культуры⁷⁷. Долгое время некоторые культурные формы просто сосуществовали (например, празднества на европейский лад и традиционные гулянья⁷⁸).

Безусловно, ассимиляционная способность столиц была на порядок выше, чем провинции, где низкая престижность интеллектуальных профессий и бедность основной массы населения, которые не могли расстаться со своим сельским прошлым, оставались характерным явлением и во второй половине XIX в. Но подобные явления наблюдались и в Москве. В этой связи есть смысл говорить не об «ассимиляции», которая предполагает отказ от «первичной» культуры в пользу актуальной культурной среды, а о «частичной ассимиляции» (адаптации), которая предполагает нелинейность процесса восприятия, непредсказуемость его результатов (данное понятие фиксирует промежуточное состояние между позицией «чужого» и «своего»)⁷⁹. Однако, важно то, что установка самого университета была на принципиальную невраждебность «старой» и «новой» культур. К тому же, привнесенность идеи университета обосновывалось верховной властью заинтересованностью в «чужом»: его знаниях, профессиональных навыках, опыте. Все это создавало дополнительные возможности для диалога культур.

Вместе с тем, обратим внимание, что свою роль в ходе этого диалога (с точки зрения развития городской культуры) играло даже эпатажное поведение иностранных профессоров (хождение на ходулях по грязным улицам проф. Паки де Совиньи⁸⁰), не говоря уже о проявлениях «вольномудства», которое чаще проявлялось в виде насмешек (из-за «боязни Сибири»⁸¹). Разве не с такого рода поведением связано расширение пространства свободы? Давая прецедент вольномудства, немец-

⁷⁷ Об этом см.: Кулакова. 2006. С. 254.

⁷⁸ Хренов. 1998. С. 90–91.

⁷⁹ Сорока. 2010. С. 274.

⁸⁰ Ничпаевский. 2008. С. 69.

⁸¹ Боровиковский. 2008. С. 94.

кие профессора неосознанно давали толчок росту новых элементов в городской культуре России. В одной из обобщающих работ по истории русской культуры отмечается, что город становился важнейшим средством модернизации, европеизации общества, формирования и оживления общественного мнения, что «именно город обеспечил возможность духовной жизни интеллигенции через салон, университет, кружок, издание толстых журналов, то есть через структуры, которые стимулировали развитие *оппозиционных взглядов* (курсив мой. – С. П.)»⁸².

Диалог субкультур являет собой цепь интерпретаций и переинтерпретаций. И прежде всего, такая интерпретация происходит в неobservable поле межличностного общения. Общение немецких профессоров с местным обществом происходило по разным каналам, как традиционным, так и новым, возникшим благодаря университету. Среди традиционных форм коммуникации в дворянском (и не только) обществе, прежде всего, следует назвать «обеда, ужины и танцы... которые являлись наиболее распространенной формой времяпровождения элиты не только в Москве, но и в провинции»⁸³. И роль таких каналов не следует преуменьшать: исследователи отмечают, что социокультурные образцы обычно рождаются именно в повседневной практике, кристаллизуются и применяются на этом уровне⁸⁴. Здесь уместно вспомнить высказывание Кевина Линча: «Все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте»⁸⁵. Новое культурное влияние очевидно проявлялось именно на бытовом уровне и запечатлевалось в воспоминаниях. Иногда это был своего рода культурный шок (как с той, так и с другой стороны). Для примера приведем высказывание из воспоминаний Л. Ничпаевского о деятельности одного из университетских профессоров: «В 1828 году Брандгейс занялся устройством клиник в отдельном обширном казенном корпусе... надо сказать, он устроил их отлично... явились железные кровати, отличные матрацы, лакированная мебель, немецкое платье, чепчики для женщин. Впоследствии больные, деревенские мужики и бабы, переодетые в больничные немецкие костюмы, окруженные богатою обстановкою, фарфоровою и хрустальною посудою, *недоумевали*, что хотели с ними делать. Женская прислуга в клинике, состоявшая преимущественно из немок, плохо объяснявшихся

⁸² Очерки русской культуры XIX в. 1998. Т. 1. С. 8–9.

⁸³ Андреев. 2000. С. 232; Кулакова И. П. 2006. С. 287.

⁸⁴ Орлова. 1987. С. 79.

⁸⁵ Линч. 1982. С. 15.

по-русски, но смело обращавшихся с мужчинами, еще более приводила больных в *замешательство* (курсив мой. – С. П.)⁸⁶. Для индивида в состоянии культурного шока, переживающего пуганицу в ценностных ориентациях и самоидентификации, оказываются актуализированными две реальности. Во-первых, реальность «родной культуры», во-вторых, это реальность «чужой» или новой культуры в актуальных ситуациях взаимодействия. Обе эти реальности претендуют на статус верховенства повседневности, что и является основанием для их конкуренции⁸⁷.

Не меньшее значение в качестве контактной зоны имела и сфера досуга. В использовании досуга для повышения социального авторитета средние классы города проигрывали аристократии. Они имели слабо развитую досуговую традицию. Изначально их культура была ориентирована на труд и усердие, а не на отдых⁸⁸. Немецкие профессора принесли с собой в городскую среду любовь к музыке, театру, гуляньям по бульвару и т.д. Вообще, феномен концерта утвердился в культурной жизни города благодаря университету. Заметим, что в большинстве не-университетских городов России в досуге всех слоев населения народная музыка превалировала всю первую треть XIX в.⁸⁹ У университетских людей установились тесные связи с людьми искусства⁹⁰. Пример оказался «заразительным». Немецкие профессора не только задавали тон, но и показывали пример. Так, Роммель отмечая, что в Харькове был убогий театр, добавлял, что «мы сами меблировали ложу»⁹¹. Первый бульвар (или «променада», как он тогда назывался⁹²) появился в Харькове возле университета. Профессорами он воспринимался как необходимость для университета⁹³. В частности, о такой «университетской аллее» в Геттингене упоминает Роммель⁹⁴. Новые досуговые практики не только развивали индивидуальное начало, но и формировали устойчивое представление о «городском» образе жизни.

Постепенно появляются и распространяются новые формы коммуникации: общение в салонах, на университетских актах, благодаря созданию пансионатов и т.д., со временем утверждается опосредованное об-

⁸⁶ Ничпаевский. 2008. С. 72.

⁸⁷ Сорока. 2010. С. 269.

⁸⁸ Крючкова. 2004. С. 156.

⁸⁹ Куприянов. 1995. С. 101.

⁹⁰ Вишленкова, Мальшева, Сальникова. 2005б. С. 347.

⁹¹ Роммель. 2001. С. 129.

⁹² Багалеи, Миллер. 1993. Т. 2. С. 435.

⁹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 345. Л. 3 об.

⁹⁴ Роммель. 2001. С. 38.

щение – через газеты и журналы, и университет способствовал развитию таких новых каналов диалога. В Москве университетская газета стала средством внесловного общения, с помощью которой университетская культура влияла на общество, формируя новую культуру быта⁹⁵. С момента создания университетов в этих городах возникло определенное интеллектуальное движение, издательская и литературная деятельность. В. С. Иконников в свое время обратил внимание на следующие данные по Харькову: «цифра печатных изданий» за 1805–1815 гг., вышедших из типографии Харьковского университета достигла 210 (в том числе 59 торжественных речей и 37 руководств), что составляло 12-ю часть всех изданий России, причем 90 сочинений принадлежали профессорам, а 16 студентам. Из 240 украинских писателей и «ревнителей просвещения», вошедших в местный словарь, половина получила образование в Харьковском университете⁹⁶. В большинстве российских городов до 1813 г. книги не издавались вовсе. К некоторым изданиям немецкие профессора имели непосредственное отношение. Так, проф. Пильгер в 1817 г. в Харькове начал издавать журнал «Украинский Домовод», где пытался привить новые представления о домашнем хозяйстве. Вообще провинциальная журналистика начнет свое развитие именно в университетских городах в 1820–1840-е годы⁹⁷. И хотя это все будет происходить вне стен университета, роль последнего становится очевидной, если применить методику сетевых структур и проанализировать биографии активных участников этого литературного движения. В этом смысле даже такие формы как чтение книг (в т.ч. увлечение немецкими философами и писателями), которые на первый взгляд не имели прямого отношения к университету, в известном смысле стимулировались им. Потенциальный читатель превращается в реального, только если у него сложилась потребность в чтении и возможность реализации таковой. Университет порождал такого читателя и предоставлял данные возможности (становясь книгоиздательским центром, обеспечивая условия для специализированной книготорговли, открывая для широкого читателя свою библиотеку, формируя читательский интерес).

Преподавание и открытая популяризация порождали как явные, так и латентные процессы в умах и студентов, и горожан⁹⁸. Но университет оказывал не только прямое влияние на тех, кто присутствовал в аудито-

⁹⁵ Кулакова. 2006. С. 123.

⁹⁶ Иконников. 1876. С. 542.

⁹⁷ Очерки русской культуры XIX в. 1998. Т. 1. С. 144.

⁹⁸ Кулакова. 2006. С. 100.

риях и залах университета. Как пишет И. П. Кулакова, «Лечение и лицедейство, переводы и сочинительство, покупка и издание книг, собирание коллекций и гербариев – все эти практики, которые создавались и исповедовались университетскими людьми, не могли оставаться незамеченными теми, кто существовал рядом и вокруг, кто не совсем или вовсе не понимал их смысла, теснясь во дворе, у черного хода, у книжного развала, у театральной рампы»⁹⁹. То есть работа университета как новой культурной силы проявлялась на уровне слабых культурных влияний в том числе и на неграмотное и малограмотное городское окружение, эти влияния называют «влияниями молекулярного процесса».

Исследователи сегодня говорят о многоканальной коммуникации¹⁰⁰ университета и города, отмечая при этом противоречие, характерное для университетской культуры: сочетание многоканальной живой связи университета и города с выделенностью корпорации из городской среды¹⁰¹, а также фиксируют трудности этой коммуникации.

Еще И. М. Гревс и Анциферов поставили вопрос о роли города как центра генерации культурных ценностей и синтеза новаций и традиций. Сегодня звучит вывод о том, что «городу в становлении и развитии культурной среды принадлежит наиболее важная роль»; что он был и остается центром сосредоточения креативной, созидающей культуры¹⁰². Соответственно, когда речь заходит об «университетском городе», нужно иметь в виду, что университетский преподаватель был «самым городским жителем», не только в смысле его оторванности от села и полной зависимости от урбанистических процессов (Е. А. Вишленкова¹⁰³), но и в том смысле, что он был носителем и транслятором (пусть и не каждый) именно такой креативной, созидающей культуры. Для России это было тем более важно, что она переживала процесс ускоренной модернизации. В этих условиях университетские города Российской империи утратили характерные для европейских (прежде всего немецких) университетских городов черты внутренней замкнутости, определенное корпоративное единство местного университета и местного общества. Однако тем сильнее оказалась выраженной их инновационная роль.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что становление «университетского города» в России началось с момента возникновения

⁹⁹ Там же. С. 213.

¹⁰⁰ Вишленкова. 2009. С. 88.

¹⁰¹ Уваров. 1998. С. 152.

¹⁰² Очерки русской культуры XIX в. 1998. Т. 1. С. 13 и др.

¹⁰³ Вишленкова, Малышева, Сальникова. 2005а. С. 863.

университетов, однако потребовалось немало времени для того, чтобы университет стал «своим» в городе. Этот процесс не был наглядным и быстрым, а союз университета и города на новом историческом этапе отличался своей спецификой. В частности, влияние университета на город часто происходило опосредованно, но при этом получило более выраженный инновационный характер. Союз города и университета стал весьма плодотворным. Благодаря университету происходило расширение пространства диалога субкультур и круга субъектов такого диалога, университет способствовал развитию многоканальной коммуникации. При этом «университетские города» становились не только фактором развития «своих» регионов, но и оказывали влияние на развитие страны в целом, поскольку предлагали весьма динамичные культурные образцы. Свой вклад в этот процесс внесли немецкие профессора, которые были носителями не только собственно университетской культуры, но и городской культуры модернизированного типа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А. Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905): В 2 т. Т. 2. Репринт. изд. Харьков, 1993. – 982 с.
- Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його викладачів і вихованців: У 2 тт. Т. 1. Харків: Вид-во «Сага», 2008. С. 90–98.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. 592 с.
- Булич Н. Н.* Из первых лет Казанского ун-та (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Изд. 2. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904а. Ч. 1. 554 с.
- Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904б. Т. 2. 332 с.
- Бурмистрова Л. П.* Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 160 с.
- Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А.* Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2008. 452 с.
- Вишленкова Е. А.* Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 240 с.

- Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.* Казанское жительство (XIX–XX века). Казань: Глобус, 2005а. С. 785–1183.
- Вишленкова Е. А.* «Между Западом и Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского ун-та // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы 18 – начала 20 в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 83–99.
- Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005б. 500 с.
- Гилязов И.* Город Казань и Казанский университет в начале XX века // Университет и город в России (начало XX века). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 460–583.
- Єрофійів І. Ф.* Харківські спогади В. Г. Масловича // Записки історико-філологічного відділу / УАН. 1927. Кн. 13–14. С. 70–75.
- Загоскин Н. П.* Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 164 с.
- Иконников В. С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Вып. 2. (№ 10). С. 492–547.
- Каганов Г. З.* Городская среда: преемство и наследование // Человек. 2000. №4. – С. 49–62.
- Камышанченко Н. В., Бердник А. Н.* Университетский город в России и его традиции (середина XVIII – начало XX века) // Университетский город в России и его традиции. Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. С. 18–40.
- Ключевский В. О.* Набросок речи, посвященной 150-летию Московского университета // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 599–600.
- Кондаков И. В.* Феноменология города в русской культуре // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1993. С. 188–203.
- Костина Т. В.* Сословная идентичность профессоров Казанского университета в первой половине XIX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 128–138.
- Крючкова Н. Д.* Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 247 с.
- Кулакова И. П.* Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006. 336 с.
- Куприянов А. И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: «АИРО-XX», 1995. 160 с.
- Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Тарту, 1984. С. 30–45.

- Лукаш И. Университет двух императриц // Московский журнал. 1992. № 9. С. 40–47.
- Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–104.
- Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. 496 с.
- Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
- Михайлова С. М. Казанский университет: между Востоком и Западом / Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 208 с.
- Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850). Казань: тип.-лит. Ун-та, 1902. [2], ССLXXVIII, [2], 501 с.
- Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете, 1823–1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його викладачів і вихованців: У 2 тт. Т. 1. Харків: Вид-во «Сага», 2008. С. 57–89.
- Орлова Э. А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987. 193 с.
- Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 384 с.
- Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.
- Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 816 с.
- Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006. 368 с.
- Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час / Пер. з нім. В. Л. Маслійчука, Н. А. Оніщенко. Харків: Майдан, 2001. 236 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 50. Д. 345. Об отобрании Харьковским гражданским начальством бульвара тамошнего ун-та. 1845 г. 18 л.
- Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. М., 1999. С. 9–32.
- Сорока Ю. Г. Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия. Харьков: Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. 334 с.
- Струков Б. Г. Имущественный и социальный статус немецкого студенчества в к. XIV – п.п. XV вв. // Из истории ун-тов Европы XIII–XV вв. Воронеж, 1984. С. 46–59.
- Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань: Глобус, 2005. С. 161–284.

- Уваров П. Ю.* [Рецензия] // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 151–155. – Рец. на кн.: Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. 352 с.
- Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под. ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997. 352 с.
- Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху / Под. ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 2001. 368 с.
- Хренов Н. А.* Мифология досуга. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 1998. 448 с.
- Хренов Н. А.* Субкультуры посада как субъекты урбанизационных процессов в России на рубеже XVII–XVIII вв. // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1993. С. 164–188.
- Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. 2040. Оп. 1. Д. 99. Письмо неизвестного к старинному приятелю. Л. 74–144.
- Цыганков Д.* Московский ун-т в городском пространстве XX века // Университет и город в России (начало XX века). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.
- Чорний Д. М.* По лівий берег Дніпра: Проблеми модернізації міст України (кінець XIX – початок XX ст.). Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007. 304 с.
- Шад И.* О возвращении Европе свободы // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета 25 дек. 1814 г. Харьков: Тип. Ун-та, 1814. С. 1–28.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальная антропология / Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В.: Учеб. пос. Р/Д.: Феникс, 2004. 416 с.
- Посохов Сергей Иванович***, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; sposokhov@mail.ru.